

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Кольцо
с секретом

МОСКВА

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Художественный редактор *Е. Анисина*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Серова, Марина Сергеевна.

С32 Кольцо с секретом : [роман] / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-168321-4

Частный детектив Татьяна Иванова мечтала обновить ремонт в своей квартире, починить авто и наконец-то отдохнуть на природе. Но в коттедже «Дуб и липа» ее вместо отдыха ждал неприятный сюрприз. Таня обнаружила отрубленную женскую руку с приметным немецким кольцом на пальце. А вскоре к детективу Ивановой обратилась известная бизнесвумен Еккельман. У нее пропала дочь Ольга, и все следы исчезнувшей девушки ведут к злосчастному коттеджу...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М.С., 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168321-4

ГЛАВА 1

Вообще-то ничего страшного не произошло.

Просто дело в том, что на дворе глубокая осень, настроение паршивое, мой любимый кофе из друга превращается во врага.

И что снится имя. Ничего, кроме имени, кроме этих пяти букв.

Роман.

Слава богу, никогда не страдала таким недугом, как хождение затылком вперед, оно же — хроническое ностальгирование. Предпочитаю жить настоящим, будет день — будет пища.

Вот потому-то все эти годы стараюсь понять, что случилось, как произошло, что эти пять букв так влияют на мое драгоценное самочувствие, по сути единственное, что меня беспокоит.

Стареть я не собираюсь. Со здоровьем все лучше некуда. С мозгами... ну, это всем известно и в доказательствах не нуждается.

Одиночество? К черту рефлексию, мне с собой никогда не одиноко. А уж тем более с Татьяной, которая выпалась. С таковой и в одном теле обитать приятно.

Однако почему-то именно осенью иной раз становится мерзко на душе, и опять — спустя столетие! — вновь и вновь всплывают эти пять

букв, и снова хочется, как и тогда, тихо, чтобы никто не видел, порыдать в подушку.

И ведь это притом что у нас ничего не было. Никогда и ничего.

Просто мы были соседями по лестничной клетке. Они откуда-то переехали всей семьей — серьезные, тихие, молчаливые, неизменно вежливые и в целом вполне приятные люди: мама, папа и сын.

Недели не прошло, как этот последний — смешной, долговязый, руки и ноги как на шарнирах — заступился за меня в дворовой драке, немало удивив: буквально всем в округе было известно, что это излишне. Возможно, по незнанию или просто принял меня за кого-то. Потери были и с той, и с другой стороны, но, утерев кровавую юшку, он сбегал к колонке вымыться, а затем представился, протягивая исключительно чистую руку со сбитыми костяшками:

— Роман, — почему-то упирая на «о».

Я только фыркнула, но руку пожала.

Он на несколько лет меня старше и все-таки воспринимался мною как мелкий, по-своему придурочный лопоух, шатающийся в наши времена со шпагой.

Ситуация прояснилась, когда вдруг по телику сообщили, что житель Тарасова Роман Дубовицкий (и снова почему-то ударение на «о», аж два раза) взял «золото» на турнире пятиборцев-юниоров, а потом «золото» еще где-то, еще и еще.

«Ах как скучно, — с досадой и невольным разочарованием думала я, — еще один тупица со стальными мышцами и крохотным мозгом.

■ Спортсмены — это так неинтересно».

Вы же понимаете, я принципиально встречаюсь исключительно с опасными интеллектуалами. Ну а он, как выяснилось, предпочитает новейшие модели различных направлений (фото-, кино-, мисс и прочее). Что они в нем находят — совершенно непонятно!

Однако это так, ремарки. Мы пребывали неизменно на самой дружеской ноге. Хотя иной раз за это ласковое утреннее: «Как цси, соседка?» — почему-то хотелось его убить. Удерживало лишь наличие какой-нибудь особо длинноногой (и, как правило, невыспавшейся) свидетельницы.

Он некрасив, хотя фигура и мускулатура просто восхитительны. Все-таки пятиборье — это не шутки. Улыбка — о да, она просто лучезарна (хотя два передних зуба можно было бы уже вставить). Красивые волосы — пусть и светлые, но густые, волнистые. Голос приятный, глухой, говорит как будто в себя. Да, и он интересно двигался — мне, как спецу по единоборствам, это особенно кололо глаз. Пластично, ловко, но как будто готовится к броску.

В остальном же — вообще не герой с обложки. Длинный, свернутый набок нос с подвижными, как у пса, и вечно раздутыми ноздрями — то ли принюхивается, то ли бесится, — глубоко посаженные глаза-треугольнички, с искоркой, но недобрые, с постоянным прицелом в них. Нарочито криво заштопанный шрам — через скулу по губам.

И, кроме того, при славянской внешности и относительно чистом, правильном говоре — разве что «щ» отсутствовала как класс, «ы» зву-

чала как «и», а «т» звучало как «цс», — в нем ощущалось нечто иноземное.

Прибавить кольцо в правом ухе — тоже довольно уродливое, вроде бы кованое, оно придавало этой фигуре еще более экзотический вид.

Так что я совершенно не удивилась, когда он всплыл в сборной команде под флагом гордой морской державы Латвии уже в качестве Романса Озолиньша.

А вот и она, разгадка ударной «о» и постоянного прицела в глазах. Классический латышский стрелок, бессмысленный и беспощадный.

Для своей исторической родины он завоевал еще одно «золото», а потом она как-то очень быстро стала чужбиной. Романс-Рома не прижился. Еще одно «золото» он принес — а потом отовсюду вылетел с огромным скандалом. То ли пьянка, то ли мордобой, то ли политика, а то и все сразу.

Тогда он запросто, не чинясь, вернулся в родной Тарасов, и какое-то время мы снова пересекались на лестничной клетке.

И снова «Как цси, соседка?» и вновь ничем не объяснимое желание отвесить пощечину.

Вскоре его мать умерла. Похоронив ее, уехал отец. Освободившаяся квартира привела к волнообразному росту разнообразных, но неизменно плохо выпавшихся дам и дамочек, которые выбирались по утрам из его обители.

Лишь однажды, именно слякотной осенью, между нами имело место нечто неуставное.

Вся в злых слезах и при полном параде — маленькое черное платье, бесконечные каблуки,

алый рот и тому подобное — я возвращалась, сбежав с отвратного свидания. Дождь в этот вечер ну просто озверел, лило как под душем, и все, что хотелось, — это побыстрее добраться до горячей ванны.

Откуда появились эти отморозки — осталось для меня тайной, но проржавевшее ведро, набитое ими, лихо осадило подле. Двери распахнулись, оттуда полезли мохнатые щупальца, лапая, скручивая, запихивая в воняющую клоаку.

Я молча отбивалась.

Но тут взревел двигатель, оглушительно грохнуло — и в тыл «девятке» со всего маху влетел мокрый и блестящий «Мерседес». Несчастный отечественный автопром налетел на бордюр, крикнул и приказал долго жить, а его начинка, сквернословья, вывалилась на разборки.

Дверь «Мерседеса» шикарно распахнулась, оттуда дважды полыхнуло и грохнуло — этого оказалось достаточно, чтобы шакаля стая задала стрекача уже на собственных конечностях.

У меня в голове вертелась лишь одна, хотя и сверхглупая мысль: обычно «Запорожцы» въезжают в «Мерседесы», но наоборот?

В это время из благоухающего кожей салона вальяжно вылез прекрасно одетый длинноногий и длиннорукий мужик с бутылкой шампанского. Прежде чем я смогла разглядеть его, моего как бы спасителя — справилась бы и сама, — он сказал:

— Оп-па! Вот это сюрпрайз. Как цси, соседка?

«Опять ты. Удачно», — порадовалась я, ощущая знакомый зуд в ладони.

— Смелая ты девочка, в таком виде, ночью да по улицам, — заметил он, набрасывая мне на плечи свитер, такой теплый, сухой, — глотнешь?

Зубы у меня и впрямь отплясывали тарантеллу, а шампанское было просто восторг. Разумеется, отказ от него я сочла невозможным.

Несмотря на то что до нашего с ним дома было недалеко, Роман не спешил, ехал еле-еле, так что поездка с шампанским растянулась на полчаса.

И снова я не возражала. Зачем? Тут так тепло, ароматно (если не считать, что от него густо несло спиртным и сигарами), упоительно блестят хромированные штуки, и почему-то так спокойно и уютно рядом с «соседушкой». Было в нем именно то, что тетушки на лавках называют «мужчинским».

За все тридцать минут Роман не произнес ни слова, а я все стеснялась спросить, зачем, имея ствол, разбивать морду собственной дорогой тачке. Задала лишь более нейтральный вопрос, который тоже занимал меня довольно давно. Осторожно притронувшись пальцем к серьге в его правом ухе — толстой, испещренной какими-то письменами, — я спросила, что это значит.

Он дернул штопаной губой, изобразив улыбку:

— Ничего. Чтобы видеть лучше.

Я прыснула про себя. Надо же, кто-то еще носится с этим пиратским суеверием.

— Кто это тебе сказал: капитан Флинт?

— А кто это?

Ну что тут сказать? Хотя нельзя не отметить, что серьга ему очень идет.

Роман вышел из машины первым, открыл дверь, подал руку, а мне не пришло в голову не заметить ее. Впрочем, эта машина такая низкая.

По-хозяйски, как будто так и надо, обнял за плечи, довел до квартиры — и снова даже мысли не возникло возмутиться и вырваться.

Тогда я еще не была в курсе, что этот человек ни у кого ничего никогда не спрашивал, он делал так, как считал нужным, и никакого «с вашего позволения», «не против, если...», «а можно я...». Постоял, подождал, пока я открою дверь и войду, лишь после этого собрался вниз по лестнице.

— Ты что же, переехал? — зачем-то спросила я, просто чтобы сказать хотя бы что-то. Или еще раз услышать его голос.

— В целом нет, — ответил Роман. Все-таки забавно он «цсекает».

— А свитер, забыл?

— Тебе. На память, — подмигнул он и сбегал вниз по лестнице.

Я зашла в комнату, не зажигая свет, и непонятно зачем выглянула в окно.

Умостившись на разбитом капоте, Роман сидел в одной рубашке, попивал шампанское и, задирая голову, смотрел в мое окно.

С утра под дверью материализовался букет, а в нем листок, на котором четким, с сильным нажимом почерком было выведено:

От тяжелого бремени лет
Я спасался одной ворожкой,
И опять ворожу над тобой,
Но неясен и смутен ответ.

Ворожкой полоненные дни
Я лелею года — не зови...
Только скоро ль погаснут огни
Заколдованной темной любви?

С тех пор прошло... ну, лет сто. Больше я его не видела, ни лично, ни по телевизору, ни где-то еще.

Да и в целом глупо и незачем.

Просто — и это сугубо между нами — почему-то именно осенью мне иной раз снились эти пять букв: «Роман», становилось и неловко до поджимания пальцев, и одновременно и тепло, и грустно.

На самом деле все просто, и нечего усложнять.

Возможно, все дело в том, что надо сменить картинку.

Я огляделась — конечно! Ремонт надо сделать, причем немедленно, по всей квартире. Видеть не могу эти обои!

Идея отменная, но, чтобы проверить все это разом, надо немерено финансов.

Тогда, как паллиатив: покидать в сумку то, без чего нельзя обойтись, и отправиться отдохнуть, вот и все.

На время взять паузу, съездить куда-нибудь!

Конечно, не за тридевять земель, мало ли что интересное подвернется. Хотя бы несколько дней никого не видеть, не слышать, читать старые детективы... или, может, Блока, «К прекрасной даме»?

Ну что за чушь в бессонную голову лезет! Наказание какое-то! Осенняя депрессия, не иначе.

«Так, хватит. В самом деле, хватит», — строго сказала я сама себе и себя же выгнала на кухню. Все, что сейчас тебе нужно — это чашечка «гватемалы» и выбрать, куда свалить.

Мое основное требование — все готовенькое, полный покой, тишина и хорошо бы еще плохо работающая связь, чтобы никому в голову не пришло требовать моих услуг «здесь и сейчас».

ГЛАВА 2

Выслушав мои требования, агент — сразу видно, девушка понятливая — немного загрустила.

— Вот, чтобы совсем никого и все готовое — такого точно нет, — сокрушенно признала она, — но, если хотите, имеется нестандартный, хотя эксклюзивный, вариант. Строго конфиденциально и только для вас.

Она сделала эффектную паузу, дабы подготовить мою нервную систему к экстазу, и завершила:

— Экопоселок «Дуб и липа».

«Сейчас я тебя разочарую с превеликим удовольствием», — кисло подумала я и наложила вето:

— Никаких. Никаких поселков, детей, собак, шашлыков.

А ведь каким крепким орешком оказалась девица!

— Так вы не спешите. Всего этого там и в помине нет.

— То есть как?

— А там и не будет никого, кроме вас. Вы, если хотите знать, там пионером будете. Помимо вас там еще ни души не было. Поселок новенький, как пятачок, незаселенный, а вам предлагается единственный подключенный к коммуникациям коттедж.

— Почему единственный? — с подозрением спросила я.

— Наверное, пока денег нет другие подключить. Дорого, надо полагать, — предположила она, — хотя, честно, не знаю. Слышала лишь, что в необозримом светлом будущем предполагается устроить полноценную экоусадьбу для избранных...

— Что сие значит?

Девушка пояснила открытым текстом:

— Резервацию для тех, что почище. Нечто вроде городской усадьбы. Не слышали?

— Нет, не довелось.

— Это когда люди хотят приобщиться к сельскому хозяйству, но чтобы скотина была чистой и сдерживалась от естественных потребностей. Чтобы не самим коровам хвосты крутить, а как бы взять буренок напрокат. Ну там, корма закупают, оплачивают труд скотников, доярок, а сами пользуются экологически чистыми благами.

Подумав, я идею одобрила:

— Неплохо придумано. Навоз месить не надо, ничего запаривать-заливать — тоже, пальцы стирать-доить тоже — башляй себе деньги да получай результат.

— Хорошая задумка, — подтвердила она, — правда, этих, что почище, пока нет, зато коровки

есть. И вот хозяйева с неохотой, но все-таки идут на то, чтобы пока сдавать площади в аренду. Все хлеб. Коттедж рассчитан на гигантскую семью, но избыток площади вполне можно пережить.

Я хмыкнула. Грамотно излагает.

— К тому же в любом случае будут к столу и свежий творог, и молоко, и прочие экоштуки. А вокруг — ни-ко-го. Итак, как вам такой вариант?

«Врешь, так просто не возьмешь», — я поразмыслила, к чему бы еще придраться, и, разумеется, нашла:

— А скот далеко от коттеджа?

— Достаточно далеко, чтобы не пахнуть, и близко — молоко прокиснуть не успеет, — заверила ловкая девица, — на этот счет даже не волнуйтесь, все продумано до тонкостей.

— Минуточку, а доить-убираться кто будет?

— Совершенно незаметный персонал — комендант и его жена.

Я сдалась:

— Так и быть. Показывайте.

... — Итак, от города около тридцати километров, но вокруг прекрасная густая дубрава. Неподалеку имеется водоем... пусть по осени это не так актуально, но так, под развитие, — объясняла агентша, показывая весьма аппетитные фотографии моей будущей резиденции, — дорожки, ведущие к коттеджу, мощеные, так что никаких грязных туфель. Отличный гриль-домик. Теперь планировка: внизу — каминный зал, кухня-столовая и сауна. В нее вход непосредственно из прихожей. Наверху — зал со вторым камином и три спальни.

Она уточнила:

— Строилось не для отдыха, а для постоянного проживания большой семьи, потому он такой здоровенный.

— На сколько же он рассчитан?

— Человек на десять. А вас сколько будет?

— Это важно?

Девушка пожала плечами:

— Абсолютно нет. Не те сейчас времена, чтобы привередничать, даже толстосумам. Я к тому уточняю, что нужно постельное белье, посуда, дрова для сауны, все это подготовить надо.

Чтобы избежать лишних вопросов, я предложила исходить из классической цифры «четыре» и уточнила еще пару принципиальных моментов:

— Как далеко до ближайшего населенного пункта и как там со связью?

— До ближайшего пункта... минутку. Так, если говорить о бензозаправке, то порядка шести с половиной километров, если до ближайшего населенного пункта, то деревня Селевкино дальше на полтора километра. Правда, считать ли это пунктом — не знаю, там и сельпо-то нет.

Я порадовалась:

— Это замечательно. И все-таки еще раз: что насчет связи?

Честная барышня замялась:

— Ну, усилитель сигнала стоит.

— Но?

— Особо не усиливает.

— Очень хорошо, просто замечательно.

— На три? — уточнила девушка.

— Что, нельзя на три?

— Конечно нет! Кому он нужен... то есть, я хотела сказать, очень хорошо, если бы вам на четыре, то, конечно, пришлось бы отказать, потому что желающих много и график. И насчет оформляем...

— Что еще?

— Да вот, без оформления придется, — пояснила девушка, — видите ли, у них как бы все неофициально.

Я вежливо кивнула и попросила:

— А можно уже просто ключи?

Нет, девушка в самом деле понятливая:

— Ключи можно получить там, у коменданта. Его предупредят, приезжайте и забирайте. Когда желаете заселиться?

— Я бы сказала, чем быстрее — тем лучше.

— Хорошо, завтра уже все будет как надо. Наведут окончательный блеск.

— Пусть ручки не забудут отполировать, — сострила я.

— Зачем? — машинально, но искренне удивилась она.

Вот ведь какая короткая у людей память на катастрофы, даже заразные.

— Дезинфекция от ковида. Ну или отпечатки уничтожить, — сострила я снова.

Я выложила, а она приняла кругленькую сумму — что не сделаешь ради собственного душевного равновесия? — мы, фигурально выражаясь, ударили по рукам. Я получила распечатку с картой и схемой проезда и заодно подробные разъяснения, как проехать.

И что я имею сказать?

«Дуб и липа» впечатляли. И липы, и дубы имели место во множестве. Особенно последние были ничего себе, толстые, высокомерные, с крупными самодовольными желудями. К поселку вела безупречная дорога, обсаженная липами. Территория была огорожена практически незаметным, сетчатым, и все-таки двухметровым забором.

Я поставила свою «ласточку» на прекрасную экостоянку. Тут меня поджидали местные «экоберриморы» — аккуратно одетые и приветливые, причем мужчина немедленно отобрал мою легкую сумку. Несмотря на явную восточность, он попросил звать себя Максом, зато женщина честно признала, что ее зовут Алсу. Как раз это диссонанса не вызывало.

Меня препроводили по тропинке меж лип, и я обратила внимание, что премудрая девица истину прорекла: уже смеркалось, а огней, помимо подсветки дорожки, видно нигде не было, разве что в одной точке.

Туда мы и направлялись.

— А где же ваши коровки?

Комендантша Алсу пояснила, что они уже дома стоят, кушают.

— Так-то весь световой день на выпасе, если нет совершенно сильных морозов. Они еще не окончательно привыкли к нашему климату. Что бы вы с утра желали: молока, простокваши, творога, сырников со сметаной?

М. Серова

■ Я даже облизнулась:

— Все давайте, — и, спохватившись, поправи-
вилась: — Всего и по чуть-чуть.

Коттедж начал впечатлять еще издалека: большой, но исключительно гармонично вписанный в окружающий пейзаж. Я помнила, что в нем два этажа, но застройку так хорошо спроектировали, что она как бы распластывалась по земле.

С большим вкусом сделано и, как это говорится, экологично, в гармонии с природой.

А вот и гриль-домик — восьмигранный, с большими панорамными окнами. Достаточно далеко от дома, чтобы не воняло жареным, и достаточно близко, чтобы не устать, бегая с тарелками.

Получив ключи, я изволила благосклонно принять предложение коменданта Макса растопить сауну. Как говорится, гулять так гулять — вот я и отправилась гулять по коттеджу.

Ну, доложу вам, тут надо было запастись термосом и бутербродами. В этом доме вполне мог обитать какой-нибудь арабский шейх со всем гаремом, тещами и отпрысками. Прекрасный коттедж из цельных бревен. Огромные светлые окна. Все что нужно — присутствует, все что не нужно — отсутствует.

(Хотя, конечно, этот идиотский крупный телик над камином совершенно ни к чему. Впрочем, Макс сразу сказал: пожелаете убрать — уберу. Я заверила, что это мне вообще по барабану, пусть висит.)

Удивительно, но при всей глобальности дом как будто подстраивался под мои скромные размеры, не было в нем ни пусто, ни тесно, все было по мне.

Когда восторги поутихли, возникло ощущение, что этот дом под кого угодно подстроится. Дружелюбный, но равнодушный.

Вот разве что на стене у дивана висел — и в целом диссонировал с обстановкой — черно-красный ковер, затканый по периметру орнаментом из свастик. Ковер был не новый, но в прекрасном состоянии. Более всего меня поразило то, что эти подсудные символы даже и не пытались кокетливо подделаться под славянские, скандинавские, индийские и прочие руны. Самый обыкновенный орнамент из самых обыкновенных свастик. На фоне этого мерзкого великолепия в живописном беспорядке красовались едва заметные на этом пестром фоне какие-то ножики и ножи различных размеров.

«Груда металлолома на фоне мерзкой тряпки. И зачем такой великолепный зал такой гадостью портить? Ладно. Пора устроить тут кое-что уже по моему вкусу. Пара мелочей для уюта...»

Дождавшись, пока Макс растопит камин, сауну и уберется восвояси, я раскидала по полу несколько великолепных подушек с бескрайнего дивана — «Так-то куда лучше!» — и завалилась сверху.

На полках оказалось полным-полно старых добрых детективов, я выбрала что постарее и поддобрее, помнится, «Десять негрят».

За окнами шел проливной дождь, стрелка термометра сауны подползала к сотне, в камине потрескивало, в трубе гудело — все было лучше некуда.

Подумав, я решила расположиться на ночлег тут, в каминной. Отличная идея: после сауны — сразу да на королевский диван.

Комендантша Алсу оказалась на высоте и по части чистоты, и постельного белья — все было до такой степени вылизанным и хрустящим, что я была готова поверить, что у этого дома я первая. А заодно невольно вспомнила свою шутку об уничтожении отпечатков. Да уж, после такой уборочки и в самом деле криминалисту — буде он понадобится — оставалось бы разве что подавлять рыдания.

Итак, как следует напарив молодые косточки и окатившись ледяной водой, я выключила верхний свет, оставив бра над головой, заварила чайку, влезла в ароматную постель и приступила к чтению.

Дело шло уже к предпоследнему негритенку и хотелось бы дочитать, но осенний дождь так уютно шуршал за стенами, после ароматного пара и бодрящего ледяного душа так клонило в сон...

Я поняла: остальных негритят придется узнавать завтра. Допив чаек, уже с полузакрытыми глазами протянула руку, нащупала провод с выключателем, пошарила пальцами, пытаясь потушить свет.

Что-то пошло не так. Не выключался свет.

Разлепив глаза и подняв голову, я убедилась, что держу в руках не провод с тумблером, а какую-то холодную продолговатую штуку на шнурке из белого металла, свисающую с фигурного кронштейна.

«Вот неряха Алсушка», — подумала я сначала, но потом взяла свои мысли назад: бра было декорировано массой аналогичных бирюлек, так что неудивительно, что именно эта штучка осталась незаметной.

Пристроить ее обратно, что ли?

Надо же, какая симпатичная вещица. Минималистичный и очень красивый кулон в стиле стимпанк — ну, знаете, как бы девятнадцатый век и обязательно со всякими техническими приблудами. На шнуре толстого, так называемого змеиного плетения висела настоящая серебряная пуля, а на торце красовались разные крошечные шестеренки, туго свернутые пружинки, зубчатые валики — все блестящее, породистое, и мне даже показалось, что на этих часовых элементах стоит какое-то клеймо, чуть ли не Павел Буре.

«Забавно, в самом деле. Элемент альтернативной вселенной, где наши ценности ничего не значат, — сонно философствовала я, рассматривая этот вызов мещанскому вкусу, — кто-то пустил по ветру кишочки дорогущих часов, чтобы декорировать безделушку. Но сделано в самом деле красиво, дорогая вещь. Забыл кто-то. Верну завтра».

Но, как это нередко бывает, назавтра на меня у судьбы были другие планы.

ГЛАВА 4

С утра дождя как не бывало, в окно било яркое, пусть и уже негреющее солнце. Стóило мне завершить походный утренний туалет, как в дверь деликатно постучали, и у меня появился замечательный завтрак из всего безупречно свежего и умопомрачительно аппетитного. Попитавшись на славу, испив кофе (и, что греха таить, отдуваясь), я приступила к следующему пункту программы — дышать свежим воздухом.

Для этого совместными усилиями человека и природы было создано все, что надо.

В дубраве было свежо и сыро, под ногами уже постелили шикарный золотисто-красный ковер. Кругом царила полная тишина, которую нарушали лишь идиллические звуки.

Я нашла и коров, и коз. Живность чинно и благородно паслась на отведенной ей солнечной поляне, радуя глаз. Козы обладали огромными висячими ушами-«сережками» и римскими носами. И коровы были какие-то совершенно невозможные: одни вроде бы обычные, но голубые, а другие — маленькие, чуть побольше пони, с огромными восточными глазами.

На пастбище царила непонятная чистота, такое впечатление, что коровки-козочки тут в самом деле сдерживаются.

Все оказалось гораздо проще: Макс и Алсу регулярно навевались, собирали навоз в тачки, отвозили и складировали его в отдаленный угол пастбища.

Вот и сейчас чета трудилась в поте лица, хотя и над другими задачами: Макс на тачке развозил сено, а Алсу раскладывала его между животными в каком-то особом, одной ей понятном порядке.

— Какие удивительные коровы, — поздравившись, заметила я, — прямо голубые-преголубые.

— Да, — лаконично ответил Макс.

— Это редкие коровки, — пояснила Алсу, более общительная, — это синие латвийские, очень древняя порода. Их еще морскими называют.

— О, — удивилась я. Оказывается, морские коровы — это не жирные тюлени с ручками-плавниками. — А почему вдруг морские?

— Из моря вышли, — пояснил Макс, продолжая работу, — легенда такая.

— А эти глазастые?

— Эти тоже морские. Порода с острова Джерси, не знаю, где это.

— Пролив Ла-Манш, Англия, — подсказала я.

— Пусть так, — согласилась Алсу, — главное, что дают много очень жирного и вкусного молока, мало едят и пастбища большого им не нужно.

— Удивительные животные, — искренне подивилась я, припоминая свой царский завтрак. В самом деле, вкус сильно отличался от привычного, даже для неприхотливого в еде человека (то есть меня).

— Да, только чокнутые, особенно быки, — вставил Макс.

— Почему это?

Алсу защитила своих любимиц:

— Просто немного нервничают, характер, как и у нас, у всех разный.

Макс с Алсу, завершив работу, удалились, а я осталась любоваться питомцами. В самом деле, нравы у них были совершенно различные. Козы с римскими носами и голубые буренки меланхолично жевали свое сено и плевать хотели на все, а джерсейские поглядывали в мою сторону с интересом, некоторые — с неодобрением. Кусок пастбища среди деревьев был отгорожен электропастухом, и там бродил, по всей видимости, тот самый чокнутый бык, упомянутый Мак-

сом. Нечто вроде большой собаки, только с рогами. Он пыхтел и периодически начинал рыть землю игрушечным копытцем.

Несмотря на его более чем скромные габариты, дамы относились к нему с уважением, и к границе, обозначенной проволокой под напряжением, особо не подходили. В той же стороне находился склад навоза.

Полоска зеленой травы на границе «пастуха» и кучи удобрения — именно этот лоскут чем-то притягивал мое внимание. Что-то в нем было ненормальное.

В целом вся территория пастбища была не совсем нормальная, как минимум потому, что все еще была покрыта сочно-зеленой травой. И даже попираемая многочисленными копытами и копытцами, она продолжала зеленеть.

«Хозяева нехило потратились на посев какой-то особой травянистой культуры. Красиво жить не запретишь, — констатировала я, приглядываясь, — допустим, это их дело. Но что это за кротовакханалия именно во-о-о-он на том участке?»

Складывалось стойкое ощущение, что все или почти все кроты округи, а также их родственники и знакомые стремились пообщаться с бычком. По крайней мере, именно туда, на дальний угол огороженного участка, вели многочисленные отвалы, отмечающие путь слепых и упорных копателей.

Хотя постойте. На бычью вотчину кротовины не вели.

«Я и сотни кротов ошибаться не могут. Что-то там есть».

Оглядевшись (вокруг было пусто) и проникнув за общую ограду пастбища, я начала пробираться к изрытому участку.

Все шло гладко ровно до тех пор, пока не начался электропастух. Бычок оказался на самом деле ненормальным, ворчал, как собака, бросался и даже клацал зубами.

Когда удалось миновать этого неадекватного, выяснилось, что и это еще не все.

Из-за навозного эвереста, потягиваясь, выдвинулся монструозный пес — угольно-черный, с рыжими подпалинами, размером с крупного пони. От ушей по всей шее у него шло ожерелье из свалывшейся шерсти, точь-в-точь дреды. Пес не лаял, не рычал, просто стоял и смотрел в упор, но продвигаться далее мне немедленно расхотелось, тем более что с моей локации не было видно, на цепи он али как.

Всю обратную дорогу бычок сквернословил и пытался до меня добраться, и я прониклась к нему неким сочувствием. Как я его понимаю! Для меня это тоже огромная красная тряпка: невозможность сделать то, что я хочу.

Но на то мы и цари природы, чтобы властвовать над своими хотелками!

Вывод: надо временно отступить и выждать подходящего момента.

А пока понаблюдаем.

Но не успела я как следует набраться терпения, как получила блестящее доказательство своей гениальной интуиции. Из-за осенних серых туч выглянуло солнце — и посреди кучи навоза резко сверкнул... бриллиант какой-то!

Не то что я такой уж знаток брюликов, чтобы на подобном расстоянии оценить чистоту, каратность и вообще происхождение блеска именно от этого сплющенного углерода. Просто глаз укололо довольно сильно.

Меня начала снедать такая жажда познания, что пришлось призвать на помощь разум: «Так, спокойно. Ты сюда отдыхать приехала, не так ли? Ну и куда снова тебя несет?»

В самом деле, куда и зачем?

Однако почему-то перспектива тихого мирного вечера у камина в компании со старушкой Агатой и предпоследними негритятами не вызвала уже ни былого восторга, ни радостного предвкушения.

Я соображала.

Собаку травить я не буду, это понятно. Дождаться, пока Макс уйдет с ней гулять — вариант, но не блестящий. Во-первых, не факт, что ходит, не исключено, что просто на ночь спускает ее, родимую, с цепи (если таковая вообще имеется). Во-вторых, даже если ходит. Миновать чокнутого бычка, покопаться в навозе, выяснить, что там блестит — и ретироваться, вся в белом и без посторонних запахов. Увы, не поспею.

Я уже серьезно начинала подумывать задействовать звонок другу с натравливанием на «берриморов» миграционной службы и удалением их на некоторое время.

Удерживало опять-таки два момента. Во-первых, не факт, что это сработает. Говорят они довольно чисто, чувствуют себя уверенно и, судя по всему, обосновались тут давно. Во-вторых, ■

наверняка придется отсюда съезжать, а я, между прочим, еще не отдохнула как следует.

Хотя, сказать по правде, что-то уже неохота.

Вдруг у меня в кармане затрепыхался смартфон, и в окошке мессенджера возникло истеричное, как сама автор (Ленка), сообщение: «ТЫ ГДЕ? ПОЗВОНИ НЕМЕДЛЕННО».

Эй, а как же неловящие телефоны?! Что, липа?! Или Ленка — это такой дятел, что сумеет достучаться до меня, даже если меня нет? И все-таки хитрая лиса эта агентша, которая утверждала, что тут плохо работает сотовая связь.

Минуту спустя пришлось взять и эти мысли назад: попытавшись выполнить Ленкину директиву, я потерпела провал. Связи в самом деле не было. Она не появилась даже после того, как я взобралась на второй этаж.

Тут, кстати, тоже было шикарно: камин, чуть поменьше того, что внизу, уютный зал и три спальни с бескрайними кроватями.

Я глянула в окно: там посерело, собирался нешуточный дождь. Однако делать нечего, дружба есть дружба. Тем более что прогуляться и подышать воздухом все равно надо. Я влезла в дождевик, в сапоги и вышла вон.

ГЛАВА 5

Пройдя по главной аллее «Дуба и липы» обратно к въезду, одновременно мониторя состояние сети, я выяснила, что по мере удаления от коттеджа связь только ухудшалась. Как если бы весь поселок находился в овраге.

Проще всего было постучаться в сторожку к комендантам и выяснить, где у них тут лучше ловит, но интуиция подсказала, что светить данную проблему не стоит.

Сама разберусь, в конце концов можно сгонять на машине до автозаправки или до деревни, как ее там называют.

Я подумала: налево уходила дорога обратно в Тарасов, направо шла еще одна дорога — но уже для великов и любителей прогулок. Тропа здоровья, среднерусский терренкур, уходящий — вот и славненько — потихоньку вверх.

Туда и отправимся.

Что-то настырно мозолило мне затылок. Изобразив вытряхивание камушка из сапога и получив возможность незаметно глянуть назад, я без труда выяснила, что это Макс исподтишка наблюдает за моими передвижениями, скрываясь за занавеской.

«В конце концов, это его работа», — подумала я вместо того, чтобы поразмышлять о том, что замышляет этот типус.

Чисто на всякий случай я достала телефон и принялась разговаривать с немой трубкой. Пусть видит, что лично у меня связь с Большой землей не просто есть, а прямо-таки замечательная.

Продолжая пантомиму, я неуклонно удалялась по дороге вверх от въездных ворот «Дуба и липы» и, пройдя около километра, убедилась, что пока моя версия не подтверждается, а связь не появляется. Я уже была готова впасть в отчаяние, когда сплошной ряд деревьев стал пожиже, ■

забрел свет, дорога вздыбилась еще больше — и внезапно закончилась.

Практически под ногами зияла бездна, или, чуть снижая патетику, обрыв.

Ага, а вот и тот самый водоем, который «под развитие», давно закрытый, подтопленный карьер. На то, что разработка его завершилась давно, указывало то, что по берегам и склонам росли достаточно крупные деревья.

Поскорее позвонив Ленке, выяснив, что ее истерики были связаны исключительно с вопросом о том, правда ли, что при браке с французом фамилию по умолчанию не меняют, и подтвердив ее опасения (нашла на что нервы тратить), я поспешила вниз, на песчаный берег.

Карьер был просто огромен, вода в нем — сказочно красива, насыщенного малахитового оттенка. Пейзаж открывался поистине неземной, и, сказать по правде, в этот момент я совершенно выкинула из головы все блестящее, а равно и связанные с ним загадки.

Было приятно грезить о том, что это нетронутое, нехоженое место... хотя какой-то мерзавец — любитель покатушек — умудрился испоганить своими протекторами золотой песок, видимо, застрял и пытался выехать.

В остальном так было тихо, спокойно, умиротворяюще шуршал по листве дождь, сонно, лениво стучали по воде капли, каркали вороны...

Тэкс. А это что еще за..?

Три носатые разбойницы, сколотив артельку, деловито и слаженно вылавливали что-то из воды. Две давали ценные указания на берегу, а одна обеспечивала поддержку с воздуха, под-

гоняя в сторону своих товаров нечто продолговатое, светлое, вялое, похожее на перчатку, которую надевают на бутылки с домашним вином.

И — ну сколько можно? — что-то там поблескивало.

«Судьба влечет на приключения», — смекнула я.

Делая вид, что прогуливаюсь, я потихоньку приближалась к птичьей банде. Пусть все-таки прибьют к берегу, что бы это ни было, не лезть же в ледяную воду невесть за чем.

Как раз к тому времени, как до них осталось не более ста шагов, вороны вытащили добычу на берег, а я их, соответственно, расшугала.

На берегу красовалась человеческая кисть.

«Прелестно, — кисло подумала я, — отдохнула, всем спасибо. Ну-с, и что это тут черненькое белело? Что-то мне подсказывает, что таки пора подключать звонок другу. А так хотелось еще разочек в саунку сходить...»

ГЛАВА 6

Вздыхая и сетуя на превратности судьбы, я взобралась обратно по песчаной тропинке и набрала номер:

— Алло, Гарик.

— Джаночка, весь внимание.

— Гарик, хочешь в шикарный коттедж, свежего молока с творогом и сауну?

В трубке подозрительно замолчали и засопели. Наконец Папазян предположил вслух, что его разыгрывают. Пришлось уверить, что не совсем, хотя доля шутки есть.

— Видишь ли, в чем дело. Я тут нахожусь в весьма уединенном, но уже подозрительном месте.

— Ага.

— Подозрительно плохо берет телефон, вокруг никого, кроме коров, злой собаки и двух подозрительных субъектиков из обслуги.

— Ага-ага... а ты что хочешь: вина и шашлыков или чтобы тебя по-тихому эвакуировали? Без подозрений.

— погоди, это еще не все.

— Не все — так распоряжайся, чего душа хочет. Ты ж знаешь, у меня везде рука...

Я чуть не поперхнулась:

— Родной, вот про руку не надо. Сейчас одна как раз у меня под ногами, и не исключено, что не последняя.

Пауза продлилась недолго. Гарик пусть и сексуально озадаченный, но все-таки профессионал, сориентировался молниеносно:

— Танюша-джан, говори адрес и оставайся на месте. Буду сейчас.

«Отлично, значит, на спокойную работу есть минут сорок, — сориентировалась я, натягивая перчатки, — так что пока можно полюбопытствовать».

Итак, рука правая. Судя по состоянию кожи и тканей, в воде конечность пробыла относительно долго, вот поэтому издали и походила на надутую перчатку. Хотя сохранилась неплохо, вода-то уже по-осеннему ледяная.

В целом лично мне очевидно, что кисть — маленькая, длиннопалая, с продолговатыми

ногтевыми пластинами и с кольцом на большом пальце — принадлежит женщине.

Хорошо, принадлежала. Чем конкретно отделена — сказать сложно, но явно не топор, рубца характерного не вижу. Это не отруб, сто процентов. Скорее всего, нож.

Меня поразило кольцо. Честно говоря, никогда не видела ничего более странного на руке женщины. Массивное, тяжелое, разомкнутое, скорее всего серебряное. Внешняя часть — нечто вроде каната из трех веревок, две толстые и между ними одна тонкая, в свою очередь свитая из двух веревок. И по всей длине этой тонкой шли те самые блестящие капли, которые привлекли внимание сначала пернатых, потом разумной. Я обратила внимание, что третьего слева камушка не было.

«На пальце порядочной женщины такому точно не место, — подумала я, мысленно примерив на себя подобный китч, — да и вот, пожалуйста, оно потому и на большом пальце, что со всех прочих оно вмиг слетело бы...»

Строить предположения о возрасте и роде занятий по таким исходникам не берусь, но с учетом того, что кольцо все-таки на большом пальце, физическим трудом наша новая знакомая покойница не занималась.

К тому же ногти, хотя и не нарощенные, свои, но довольно длинные, с лаконичным и очень качественным французским маникюром, которому оказалось ничем даже длительное пребывание в воде.

Аккуратная форма ладони и изящные пальцы — я прикинула по своей, оказалось, что

у меня даже чуть короче, — говорят скорее о том, что человек из тех, кого называют «почище».

Зафиксировала также любопытную деталь: на мизинце было не три кожные внутренние складки, как у большинства из нас, а четыре, как будто у человека было четыре сустава.

И еще один, весьма показательный момент: на ладони ясно виден весьма глубокий порез, от складки между указательным и большим пальцем до складки с удивительным мизинцем. Явно от соприкосновения с очень острым и длинным предметом.

ГЛАВА 7

Мой разговор с умным человеком прервало сопение, пыхтение и армянские заклинания: с горы спускался Гарик.

— Что, Танюша-джан, очередное гнусное самоубийство? — спросил он, поздоровавшись и отерши трудовой пот.

— Как видишь.

— Да вижу уж. Хотя, знаешь ли, у тебя тут вполне спокойно, — заметил он.

Я насторожилась:

— Что значит «у тебя тут»? Это ты к чему? А где беспокойно, в мире вообще?

— Ну, не то чтобы прям во всем мире, но там наверху, на базе, откопали нечто подобное.

— Ну, ну?

— Да вот, я как раз подъезжаю на стоянку — и за мной наряд. Комендант, видишь ли, навоз из-под коровок сгребал да наткнулся вот на

такую же, — он указал на руку, — только левую. Ну, и побежал-позвонил «сто двенадцать»...

«Ай да Максимка, умно! — восхитилась я. — Грамотно, черт подери, и весьма».

Вслух же по-женски посетовала:

— Ай, какие страсти-мордасти. А я только собиралась в саунку сегодня завалиться, а тут такое неаппетитное. Ни за что теперь здесь не останусь, гори оно...

— Ты под надежной охраной. Нам с тобой, джаночка, вообще ничего не помешает ни в саунку, ни на что-нибудь еще, — галантно заметил Гарик, не отрываясь, впрочем, от рассматривания моей находки, — ну, собственно, что и требовалось доказать. Маникюрчик тот же, форма... парная. То есть правая от левой, той, что из-под навоза.

— А, так это рука в навозе блестела? — уточнила я и тотчас прикусила язык.

— Что-что ты сказала? — переспросил он.

Пришлось признаться.

— Ну да, из-за проливного дождя почва осела плюс кроты, вот она и вылезла...

— Таня-Таня, что ты за человек такой? — горестно покачал головой Гарик. — Постоянно куда-то да влипнешь, то в навоз, то в неприятности.

— Не груби, — посоветовала я миролюбиво.

— Да ладно тебе, — отмахнулся он, — ты тут постой, позову наших.

И снова, отдуваясь и фыркая, как тюлень, пополз вверх по берегу.

Отзвонившись «нашим», Гарик спустился и сообщил, что они скоро подойдут.

— В целом да, из-под навоза блестела рука левая, к этой правой. Ну не она сама, колечко на ней, с камушком.

— Ага... а больше там ничего не было?

Гарик хмыкнул:

— Нет, более ничего. Все остальное еще предстоит найти, и я очень надеюсь, что не мне.

— Почему?

Он лишь горестно отмахнулся.

Вскоре прибыла доблестная опергруппа и сняла с нас заботы о моей добыче, отбитой у ворон. По-женски пошебетав и поохав, я получила возможность рассмотреть и левую руку — так, для общего развития. Ничего особо интересного я не увидела, за исключением очень дорогого кольца на пальце. Очень похоже на то, что белое золото и далеко не «Сваровски».

— А еще можно сказать совершенно уверенно, что это не ограбление, — заметил вполголоса Гарик, — смотри, какая гайка.

— Да уж. Ни потерпевшей, ни тем более злодею денежки считать не приходится, — добавила я, — послушай, а эта рука вроде бы того... отрублена?

— Уж, конечно, не откушена, — съязвил Папазян.

Я сделала глубокий вдох, подавляющий ругательство, и пояснила, что Гарик не так меня понял:

— Та, которую мы с воронами из карьера выловили, отделена не топором. А эта — сам смотри, вот рубец. Топор.

— А, вот ты о чем. Извини. Да, и я тебе более того скажу: топорик маленький, — протянул

он, приглядываясь внимательнее, — очень качественный, острый, должно быть, «Фрискарс» или иной импортный, небольшого размера. Из тех, которые чистоплюйчики любят возить в аккуратных чехлах на природу.

В этот момент я вдруг вспомнила, что все происходящее меня вообще-то не касается:

— Работайте, братья! Пойду паковаться.

— Тебе помочь?

Я вежливо отказалась, но Гарик мягко настоял на своем.

«Увлекательная головоломка вырисовывается, — думала я, собирая свои до конца еще не разобранные вещички, — хотя ну какая мне разница? Вот нехорошие люди, не дали и отдохнуть-то как следует. Интересно, получится ли денежки вернуть? Наверное, нет... О, идея! В счет репараций кулон — серебряную пулю возвращать не стану пока. Если что, то можно потом и подбросить...»

Жаль, что не успела как следует молока напиться. Голубых латвийских коров.

— Ничего себе тут антиквариат, — подал голос Папазян.

Все это время, как выяснилось, он разглядывал ковер и коллекцию ножииков.

— Да уж, коврик что надо, — подтвердила я.

— Я не про него, — он указал на одну из бирюлек на стене, — знаешь, что это?

— Понятия не имею.

— Я тоже. Но судя по свастике и орлу, кортик, как бы не эсэсовский. Третий рейх. Был бы настоящим — кучу бабла стоил бы.

— А по каким признакам ты подделку-то определил? — подколола я.

— По тем, что он просто так на стенке висит, — огрызнулся Гарик, — без сигнализации и охраны. Это не твой коттедж, нет?

Я фыркнула.

— Ну вот. Кто ж ценную вещь оставит без присмотра в помещении, где посторонние бывают? Ты насчет сауны не надумала, нет?

— Нет.

— Тогда пошли отсюда.

ГЛАВА 8

Вернувшись домой и бросив сумку в шкаф, я первым делом позвонила девушке-агенту. Объяснив ситуацию, мягко осведомилась относительно возможности возврата хотя бы части средств. Шансы, ясное дело, на нуле, документов-то нет, но и оставлять дело недо выясненным мне совершенно не хотелось.

К моему немалому изумлению, она не стала ни возражать, ни мямлить, а запросто предложила:

— Чтобы в испорченный телефон не играть, вы сами позвоните хозяину. Опишите ситуацию, если он еще не в курсе, расскажите, что да как. Так и решите вопрос, ок? — и продиктовала номер.

«А что, и так можно было? — подивилась я. — Чудо. Ну да ладно, попытка не пытка».

По названному номеру долго не отвечали, потом, когда я уже собралась отключаться, в трубке сообщили:

— Слушаю.

— Добрый день, я снимала у вас коттедж...
«Дуб и липа»...

— Что за?.. — раздраженно переспросил собеседник, как мне показалось, напрягшись.

Я терпеливо повторила.

— А, — после второй паузы сказал он, — да.

— У вас там случился небольшой казус, в связи с которым мне пришлось прервать отдых...

— Сколько?

«Вот хам», — подумала я и озвучила сумму целиком, то есть в том числе и с комиссионными агентше. Так ему и надо, а меня-то совесть не заест.

— Лады, — кратко ответил он, — номер карты.

— Привязан к этому телефону.

— Ок, — снова сказали мне и дали отбой.

«Ну хам и хам. Можно было бы хотя бы извиниться...»

Поворчав про себя, я не могла не признать, что в целом меня все устраивает: деньги — все сполна, сколько было названо, — поступили на счет в течение пяти минут, а все остальное меня мало волнует.

В дверь позвонили — это ко мне пожаловали Ленка и тортик. Последний занял почетное место посреди стола, а первая принялась хлопотать вокруг любимой подруги, то есть хлопать ресницами и охать:

— Ой, Танька-Танька, как ты такие ужасы переживаешь, абсолютно не понимаю. Я бы, наверное, коньки отбросила, а ты молодец. Вот что значит профессионал.

Я важно ответила:

— У каждого, знаете ли, свои таланты и дарования. Ты ж вон без страховки и пистолета каждый день в клетку к неучам заходишь, а я точно не смогу, даже под дулом.

— Ну а как там в целом? — полюбопытствовала подруга. — Про него в свое время много толковали.

— Шикарно! Уж не знаю, получится ли заселить все коттеджи, но место на самом деле очень красивое. Такие, знаешь ли, вековые липы и дубы, а уж карьер замечательный, даже не карьер, а лесное озеро. Я такие только на картинках видела. Вода — изумруд-малахит. Купаться бы там или просто валяться — на воду смотреть.

— Только карьеры — они опасные, — авторитетно сообщила Ленка, — там какие-то обвалы случаются, воронки песчаные и буруны. Вот попади туда купальщик — и не всплывешь! Глядишь, и эта бедняжка...

— Ага, так засосало, что руки отлетели, — отпустила я черную шутку, — давай о чем-нибудь веселеньком. Что слышно насчет чумы в Париже?

— Какой чумы?! — переполошилась Ленка. — Тьфу. Напугала. Ты становишься злой, Танечка. Никак стареешь.

— Ты уже молодеешь, — огрызнулась я, — ничего я не старею. Просто не отдохнула как следует, вот и все. Собиралась-то на все выходные.

— Да, представляю, какой облом, — искренне посочувствовала подруга, — так говоришь, что там коттедж, сауна, коровки?

— Голубые! — с воодушевлением подхватила я. — Как море! А эти, с вот такенными глазами, — ты бы видела, какие красавицы. Сейчас покажу.

Ленка с умилением посюсюкала на чудо-скоотинку, а потом заметила, что совсем недавно таких же видела.

— Да ладно! Во, а мне впаривали, что эта порода — такая редкость.

— Нет, я не живых видела, — пояснила подруга и принялась рассказывать: — Слыхала, в Тарасове открывается сеть социальных магазинов свежайшей молочки?

— В каком смысле «социальных», недопоняла?

Ленка разъяснила:

— В том смысле, что наши местные толстосумы задумались о душе и решили заняться социальным служением. Или просто таким образом пытаются попасть в фавор. В любом случае по всему городу ставят такие точки-ларьки, такие... в виде ветряных мельниц, миленькие-премиленькие, все в оградках, горшочки на плетнях, цветы ампельные.

— Короче.

— Там раздают почти даром что-то наподобие карточек, и любой желающий малоимущий вправе ежедневно получать молочную пайку — столько-то молока, или кефира, или творога. Тут же столы, за которыми можно распить за счет фирмы стакан-другой. А инвалидам, пожилым и матерям-одиночкам на дом могут приносить.

— Молочные кафе-кухни.

— Вот, опять язвит, — пожаловалась подруга непонятно кому, — бесплатно людям будут молоко раздавать, что плохого?

— Вообще ничего, все хорошо, — утешила я, — а кто не совсем малоимуший, тому дадут что-нибудь?

— Разумеется. Я вот, кстати, принесла тебе каталог на всякий случай, раз уж не удалось тебе творожком накушаться. Нам по почтовым ящикам раскладывали, прям ну очень аппетитно. Себе-то я уже карточку выправила, как мать-одиночка.

Ленка достала из сумочки толстенький буклет и вручила мне. В нем на самом деле было на что посмотреть, и, по правде говоря, я слюнки сглотнула. Причем на титульном листе красовались столь восхитившие меня голубые «морские» коровы.

— Вот они, твои животинки.

— И впрямь. А кто это у нас такой щедрый, наш будущий новый мэр?

— Ну, насколько будущий — не знаю, не исключено. А кто щедрый — ты знаешь. Тетка Еккельн.

— Откуда я ее знаю? — удивилась я.

— Да все ее знают. Да вспомни! Бывший председатель нашего горисполкома.

— Вроде бы теперь припоминаю. Страшная загребака была когда-то. И хапуга.

— Она же теперь в списке «Форбс».

— Неудивительно. А теперь, ты говоришь, взялась сельское хозяйство поднимать. Ну что же, похвально, на исходе-то дней.

— Что-что?

— Так лет ей под сто вроде бы, не так разве?

— Лет-то ей предостаточно, да нам бы с тобой в ее возрасте так выглядеть, — с подколкой ответила Ленка, — выглядит она замечательно. Да и муж молодой.

— Точно, это освежает, — посмеялась я, — ну да ладно, что там у нас насчет лишних калорий?

Мы принялись уничтожать кондитерку.

ГЛАВА 9

Как говорится, посмеялись и забыли.

Бумеранг за то, что посмеялась над чужими бедами, прилетел быстро. Пары дней не прошло, помнится, как раз начались первые ночные заморозки, застучало в двигателе. Как же я жутко расстроена! Негодная ты, «Тойота», с гнильцой! Никак на капремонт вставить?

А как же запланированная смена парадигмы в моей городской резиденции?!

Терпеть не могу выбирать и тем более жертвовать желаемым ради нужного!

Не успела я окончательно расстроиться, как на телефон поступил звонок с незнакомого номера, и профессиональный голос, поздравившись, сообщил, что со мной хотела бы пообщаться госпожа Еккельн.

«Ура!» — подумала я.

Потенциальная клиентка из списка «Форбс» как раз тогда, когда ну очень нужны деньги, — что может быть лучше!

— Прошу, — предложила я солидно, — консультации бесплатны.